

Четверть часа спустя Цинь Чаоян проводил Линь Шэна из восточного двора.

Они обменялись прощальными приветствиями, и Линь Шэн, раскрыв масляный бумажный зонт, ушел в пелену дождя, с каждым шагом удаляясь все дальше.

Цинь Сяо стоял у окна, заложив руки за спину, его черные глаза отсутствующе смотрели куда-то в юго-восточном направлении.

Резные оконные рамы были полностью открыты, створки наружу. Дождевые капли с глухим стуком ударили по ним.

Влажный воздух, проникая с ветерком, приносил прохладу, разгоняя летний зной.

Цинь Чаоян вернулся в зал, долил Цинь Сяо свежего чая и подал чашку.

Цинь Сяо взял, сделал маленький глоток и поставил чашку на белый нефритовый подоконник, издав легкий звон.

«Господин думает о словах господина Линя?» — спросил Цинь Чаоян.

Цинь Сяо, постукивая пальцем по краю чашки, спросил в ответ: «А ты как считаешь?»

«Осмелюсь высказать свое скромное мнение, — Цинь Чаоян слегка поклонился. — На всякий случай этого человека следует устранить».

Линь Шэн сказал ясно: он не может полностью постичь происхождение и личность того незнакомца, но может сказать, что в нем действительно есть что-то необычное.

И это необычное может быть, как возможностью, великим благом для династии Нин, так и бедствием, великой катастрофой!

Все зависит от мысли этого человека.

Кроме того, его ци удачи (энергия, судьба) способна подавлять ци удачи Цинь Сяо. Хотя сейчас кажется, что Цинь Сяо подавляет его, но кто знает, возможно, однажды ци удачи того человека усилится и превзойдет ци удачи Цинь Сяо.

Тогда уже Цинь Сяо окажется в невыгодном положении, будет подчиняться и терпеть унижения.

Выслушав это, Цинь Чаоян невольно содрогнулся и тут же согласился с мнением Линь Шэна.

Необходимо как можно скорее устранить эту переменную, чтобы избежать беды в будущем!

Только он знал, что Цинь Сяо, скорее всего, не примет его совета.

Потому что их господин, хоть и имеет свирепую репутацию, но никогда не был человеком, убивающим без разбора.

И действительно, он услышал легкий смешок Цинь Сяо: «Разговоры о духах и демонах...»

Не договорив, но Цинь Чаоян понял.

Их господин изначально не верит в духов, а предсказания Циньтяньцзяня считает лишь политическим инструментом. Поэтому он ни за что не убьет человека, о котором неизвестно, хорош он или плох, по такой нелепой причине, как «взаимное подавление».

Цинь Чаоян продолжил: «Я уже отправил людей навести справки, думаю, скоро выяснится личность того человека».

Если окажется, что тот мужчина связан с какими-то другими силами, то, учитывая характер Цинь Сяо, он, конечно, не проявит излишней мягкости.

Цинь Сяо кивнул.

Ранее он опасался, что тот снова сможет управлять его телом и заставит делать то, что противоречит его воле. Но он проверил: и когда душил его за шею, и когда разговаривал через дверь камеры, того чувства потери контроля над телом больше не возникало.

Это значит, что Чу Цзюбянь, вероятно, не может управлять его телом по своему желанию, и тот случай был исключительным.

А исключительный случай — это когда тот чуть не упал с небес насмерть, когда его жизнь была под угрозой.

Впрочем, Цинь Сяо тоже пробовал: тогда он действительно хотел сразу свернуть ему шею, но и перед лицом такой смертельной угрозы Чу Цзюбянь не управлял им.

Таким образом, пока что кажется, что Чу Цзюбянь, возможно, вообще не умеет управлять людьми, и тот случай с управлением им был вызван другой причиной.

Раз так, то с его безобидным видом он вряд ли сможет что-то натворить. Нужно лишь приставить к нему людей для наблюдения.

Сейчас Цинь Сяо не особенно заботился о Чу Цзюбяне. Он смотрел темными глазами на дождь, и меж его бровей залегла не проходящая тревога.

Неужели на юге действительно не будет дождя?

==

В тюрьме молодой тюремщик принес коробку с едой и флягу с водой, протянул Чу Цзюбяню.

Тюремщик, улыбаясь, почтительно сказал: «Господин, главноуправляющий Ань распорядился, чтобы эти дни вас обязательно вкусно кормили и поили. Если вам что-то понадобится, только прикажите мне, я все сделаю».

Чу Цзюбянь думал, что после визита Цинь Сяо отношение Ань Уцзи к нему изменится, например, он остынет, поймет, что он мошенник, и перестанет с ним считаться.

Но, судя по всему, тот по-прежнему относится к его «божественной» личности с почтением.

Это хорошо, по крайней мере, следующие пару приемов пищи можно не беспокоиться о голоде.

Чу Цзюбянь взял коробку с едой, не стал церемониться и сел прямо на пол.

В предыдущем фильме, где он играл Верховного жреца, требовалась особо стройная фигура, поэтому он постоянно ограничивал себя в еде. При росте 183 см он весил всего 60 кг, что, очевидно, было болезненной худобой.

Сейчас, когда можно есть нормально, он действительно обрадовался.

Однако, когда он, полный ожиданий, открыл коробку, его словно окатили холодной водой.

В коробке оказались глиняные миски: мясная похлебка, каша из неочищенного риса и немного вяленого мяса.

Читая роман, он смутно представлял, что уровень развития в этом книжном мире отсталый, но он и представить не мог, что даже еда здесь настолько примитивна.

В это время добыча железа была мала, и оно строго контролировалось двором. Железные изделия использовали даже для оружия с трудом, поэтому, естественно, не могли использовать их для изготовления железных котлов. Поэтому для приготовления пищи в это время чаще использовали керамику или бронзу.

Разница в материале также означала, что еду в это время можно было только варить на пару или тушить.

Так что в нынешней династии Нин не было жареных блюд, не было богатства специй, даже технология помола пшеницы в муку была примитивной и грубой!

Чу Цзюбянь молчал с полминуты, затем, преодолевая жжение в горле, съел этот обед, похожий на диетическое питание для худеющих.

В мясной похлебке чувствовался вкус имбиря и горьковато-соленый привкус неочищенной соли, больше ничего.

Но эта еда на самом деле считалась очень хорошей. Обычные люди не то что мясной похлебки — каши из неочищенного риса могли и не иметь.

Подумав так, он перестал привередничать, съел всю похлебку и кашу, а оставшиеся несколько кусочков вяленого мяса, когда тюремщик пришел забирать посуду, отдал ему.

Все равно горло болит, такое жесткое ему не съесть. Лучше отдать, сделать человеку добро.

Тюремщик явно не ожидал, что Чу Цзюбянь отдаст ему такое редкое вяленое мясо. От благодарности он бухнулся на колени и отвесил два земных поклона.

Чу Цзюбянь не успел опомниться, а тюремщик уже сияя поднялся и сказал: «Благодарю бессмертного, благодарю бессмертного!»

Чу Цзюбянь удивился: «А ты откуда знаешь, что я, Верховный Бог, бессмертный?»

Молодой тюремщик, с блеском в глазах, ответил: «Я только что слышал, как солдаты императорской гвардии говорили, вы — небожитель, спустившийся с небес. Сказал, что будет дождь, и он пошел, ни на минуту не ошибся, просто чудо!»

Вот оно что. Значит, те двое гвардейцев, что вместе с Ань Уцзи привели его, распространили эту новость.

Чу Цзюбянь заглянул в систему — баллы, которые он потратил на лекарство (0.5), уже восстановились!

Это как раз то, что нужно. Самому ничего делать не надо, а очки веры растут сами собой.

Чу Цзюбянь только что придумал себе «божественный образ»: внешне холодный и

отстраненный, но в душе мягкий и добрый.

Кто сможет устоять перед общепризнанным гордым цветком, который проявляет мягкость и доброту лично к тебе?

Луна высоко, светит лишь на меня одного — разве это не особая благосклонность?

Чу Цзюбянь посмотрел в блестящие глаза тюремщика и очень легко, едва заметно, улыбнулся: «Сейчас я, Верховный Бог, оказался в беде, и мне придется во многом полагаться на твою заботу».

Небожитель в беде, да еще улыбается тебе, да еще тихим голосом просит позаботиться о нем — кто устоит?

Молодой тюремщик почувствовал, как жар ударил в голову, лицо его мгновенно покраснело.

Он в смущении отвел взгляд, но тут же увидел тонкую талию юноши, обрисованную влажной, прилипшей одеждой, и смутился еще больше, не зная, куда деться.

«Вам, вам не стоит быть таким вежливым. Заботиться о вас — для меня честь», — заикаясь, проговорил тюремщик. — «А меня зовут Ли Шэн, можете звать меня просто Сяо Ли».

Чу Цзюбянь, не перечая, сказал: «Хорошо, тогда спасибо, Сяо Ли».

Сяо Ли стало еще неловче и в то же время радостно.

Небожитель запомнил его имя! Это же небесная удача!

«Ах да, — вспомнил Ли Шэн, чуть не забыв о деле. — Господин Нин-ван велел нам принести вам сухую одежду. Я сейчас принесу!»

С этими словами он, не смея больше взглянуть на Чу Цзюбяня, схватил коробку и бросился наутек, даже забыв закрыть дверь камеры.

Чу Цзюбянь: «...»

Глядя на распахнутую дверь, он помедлил, затем подошел к стене и прислонился спиной к холодному камню, скрестив руки на груди.

Вскоре Сяо Ли вернулся. В руках он держал одеяло и комплект сухой грубой холщовой одежды.

Увидев распахнутую дверь, он сначала испугался, а когда понял, что Чу Цзюбянь послушно ждет внутри камеры, в его сердце прибавилось благодарности.

Вот это и есть небожитель!

Мало того, что умеет предсказывать погоду, красивый, говорит мягко, так еще и такой честный и прямой.

Очки на панели системы снова немного подросли (на 0.1). Чу Цзюбянь медленно моргнул.

Видимо, углубление веры тоже дает заметный прирост баллов.

«Господин небожитель, это новая одежда, которую по приказу господина Нин-вана я приготовил для вас. А это одеяло... — Сяо Ли быстро взглянул на Чу Цзюбяня и, немного стесняясь и волнуясь, сказал: — Это моё одеяло, я его два дня назад постирал, ещё не укрывался. Если вы не побрезгуете, я постелю его на пол, вам будет помягче отдыхать».

Приятная неожиданность.

Чу Цзюбянь подошел к нему на два шага, изобразив подобающую озабоченность: «Если ты отдашь одеяло мне, чем же укроешься сам?»

Поняв, что Чу Цзюбянь не брезгует им, Сяо Ли тут же воодушевленно хлопнул себя по груди: «Я человек простой, кожа толстая, мне ничего не будет. Сейчас я вам постелю».

С этими словами он передал сухую одежду Чу Цзюбяню и быстро, аккуратно постелил ему одеяло.

Закончив, Сяо Ли не стал задерживаться, поклонился: «Тогда я пойду, если что понадобится — приказывайте».

«Утруждаю тебя».

«Долг велит».

Тюремщик запер дверь камеры и с легкой походкой быстро ушел. Наверное, хотел наедине с собой выплеснуть переполнявшие его эмоции.

Чу Цзюбянь подошел к постеленному одеялу, положил на него сухую одежду и быстро снял с себя липкую, влажную старую одежду, бросив ее в сторону.

Все звенящие украшения он убрал в пространство. В эту эпоху эти дешевые промышленные безделушки были редкостью и ценностью, неизвестно, когда пригодятся.

Он подождал, пока с тела испарится влага, и переоделся в новое.

Самая простая, базовая грубая холщовая одежда: куртка и широкие штаны.

В эту эпоху материальные блага были скудны, только знать могла позволить себе шелка и парчу, поэтому Чу Цзюбянь не возлагал особых надежд на эту одежду. Главное, чтобы не было липко и противно.

Но он не ожидал, что холщовая ткань здесь была совсем не такой, как та «ляная», что он носил в современном мире. Она была по-настоящему грубой. Просто надев ее, Чу Цзюбянь уже натер на своей нежной белой коже множество красных следов.

К тому же у него были хорошие пропорции, особенно длинные ноги, поэтому штаны оказались коротковаты. Лодыжки и ахилловы сухожилия явственно выглядывали наружу — хрупкие, явственные косточки.

Чу Цзюбянь опустил голову, посмотрел на себя. Безнадежно.

Ладно, хоть что-то дали.

Он даже не стал обуваться, вытер ступни о старую одежду и лег на одеяло.

В династии Нин еще не было хлопка, поэтому не было и ватных одеял.

Знать могла набивать одеяла мелкими кусочками шелка и парчи, обеспечивая мягкость и комфорт. Простые же люди использовали солому или что-то подобное, зашивая ее в холщовую ткань.

И такие одеяла часто были очень тонкими. Постеленное на пол, оно тоже было немногим лучше, так же давило, но хоть что-то.

Дождь снаружи все лил, к ночи он усилился, и до самого полудня следующего дня не было ни малейшего признака остановки. Наоборот, глядя на черные тучи, казалось, что близится еще более сильный ливень.

Сяо Ли перед сменой принес Чу Цзюбяню обед.

Сейчас «небожитель» уже переоделся в грубую холщовую одежду. Шея его была стерта грубой

тканью до красных полос, а вчерашние сине-багровые синяки от удушения выглядели еще более впечатляюще. Смотреть было больно, даже Сяо Ли невольно потер свою шею.

Но сам Чу Цзюбянь, казалось, не обращал внимания на боль. Взяв коробку с едой, он сказал Сяо Ли: «Скоро полдень. Помоги мне позвать Цинь Сяо».

Сяо Ли, видимо, испугался того, что Чу Цзюбянь назвал Цинь Сяо полным именем, лицо его побледнело на два тона, он машинально огляделся.

Убедившись, что больше никого нет, он успокоился и, немного смущаясь, сказал: «Господин небожитель, я, я не осмелюсь беспокоить господина Нин-вана».

Цинь Сяо слыл жестоким, Чу Цзюбянь понимал трудности Сяо Ли.

Поэтому он не стал настаивать, улыбнулся: «Хорошо, ничего страшного».

Сяо Ли с облегчением выдохнул.

Хотя ему очень хотелось наладить хорошие отношения с этим небожителем, но еще больше он боялся Цинь Сяо. Тот был поистине человеком решительным и беспощадным.

«Тогда я пойду. После смены придет другой тюремщик, чтобы забрать посуду», — подробно объяснил он.

Чу Цзюбянь кивнул и добавил: «Ты можешь уйти после того, как наступит полдень. К тому времени дождь прекратится».

Только он произнес эти слова, как снаружи раздался удар грома, и дождь нисколько не ослабевал.

Сяо Ли сглотнул слюну, сердце его бешено колотилось. То ли от внезапного грома, то ли от предвкушения прикоснуться к чуду.

Когда Сяо Ли ушел, Чу Цзюбянь открыл коробку. Как и ожидалось, там были все тот же мясной суп и рисовая каша.

Вчера на обед и ужин было это же, сегодня утром то же, сейчас в обед снова это же...

Чу Цзюбянь не слишком заикливался на вещах, но есть одно и то же каждый день — это слишком тяжело для его современного желудка.

Похоже, после выхода из тюрьмы первым делом нужно улучшить свой рацион, остальное подождет.

Только он об этом подумал, как снова раздались те же шаги, что и вчера в полдень.

Похоже, не нужно специально звать, человек сам пришел?

В глазах Чу Цзюбяня мелькнула усмешка, он встал и посмотрел на дверь камеры.

Вскоре господин Регент в пурпурном утреннем одеянии медленно подошел к двери. В нескольких шагах позади него, держа два масляных зонта, с которых капала вода, безмолвно стоял Цинь Чаоян.

Вчера, в день церемонии восшествия, Цинь Сяо надел ту черно-золотую мантию с драконом, подчеркивающую его статус.

Сегодня, когда Байли Хун уже взошел на трон, он переоделся в пурпурное чиновничье платье, которое могли носить только сановники первого-второго рангов. Этим он, в качестве «подданного», демонстрировал свою поддержку и подчинение императору, а также подавал пример всем чиновникам, давая им понять, что не стоит недооценивать маленького императора.

Конечно, одним этим жестом нельзя было устранить амбиции тех министров, но это был сигнал, сообщающий всем: за спиной императора — клан Цинь, за спиной императора — он, Нин-ван Цинь Сяо.

Пока он, Цинь Сяо, находится в этом зале правления, никто не сможет отнять трон у Байли Хуна.

Чу Цзюбянь действительно был поражен сегодняшним видом Цинь Сяо.

Ничего не поделаешь — этот человек слишком подходит к пурпурному цвету. Он придает ему еще больше величия, а лицу — еще больше холодной, резкой красоты.

Все утро Цинь Сяо занимался государственными делами. Заместитель министра работ Сяо Вэньдао, пользуясь этим дождем, на утреннем приеме поднял вопрос о ремонте дамб в уезде Хэси, прося двор выделить средства.

Уезд Хэси находится на границе Бэйчжили и Хэнани, там часто случаются наводнения. Дамбы ремонтируют каждый год, но каждый раз, когда двор выделяет средства, пройдя через все инстанции, на собственно ремонт дамб остается лишь жалкая мелочь.

Заместитель министра работ Сяо Вэньдао происходит из Линьяньского клана Сяо, он родной племянник Великой вдовствующей императрицы и один из тех, кто больше всех наживается на водохозяйственных статьях бюджета.

Как только он заикнулся о выделении средств, глава Министерства финансов Су Шэн тут же выступил и принялся жаловаться на бедность.

Обе стороны на утреннем приеме спорили, перебрасывались словами, казалось, они противостоят друг другу. Но если разобраться, все стрелы летели в одну цель — в Цинь Сяо. От него требовали найти способ пополнить казну.

Пополнить казну зачем?

Чтобы им было удобнее и дальше набивать свои карманы?

Но как назло, большая часть сил клана Цинь была сосредоточена в армии, в гражданском правительстве почти не было годных чиновников. К тому же Цинь Сяо не мог прямо сказать, что денег нет, поэтому ему оставалось только глотать злость.

После утреннего приема он пригласил нескольких сановников первого ранга в зал совещаний продолжать обсуждение, искать способ пополнить казну.

Однако эти богатые, как Крез, старые лисы все уходили от прямого ответа, ни одного дельного предложения так и не внесли.

Эти старые хрычи, мнящие себя столпами государства, в мыслях и в глазах имели лишь свои кланы, свои семьи, свои интересы. До государства и народа им не было никакого дела.

Проводив их, Цинь Сяо в душе было беспокойно, обедать не хотелось, хотелось просто выйти, проветриться.

Идя куда глаза глядят, он сам не заметил, как дошел до тюрьмы.

Взглянул на погоду — дождь и не думал прекращаться. Решил зайти к Чу Цзюбяню, посмотреть, что тот теперь скажет.

Все еще под впечатлением утренних событий, он, увидев Чу Цзюбяня, сразу сказал: «Ты проиграл».

Вчера они не договаривались, что будет, если Чу Цзюбянь проиграет, но оба понимали: Цинь Сяо может поступить с ним как захочет.

Однако, вопреки ожиданиям, после слова «проиграл» Чу Цзюбянь не выказал и тени паники. Наоборот, он непринужденно сказал: «Время ведь еще не пришло, правда?»

У древних людей не было точных часов, но у Чу Цзюбяня они были.

До сказанного им «полудня», то есть 12:00, оставалось...

«Десять, девять, восемь...»

Обратный отсчет?

В глазах Цинь Сяо мелькнула тень. Неужели он настолько уверен?

Но не успел он как следует обдумать это, как заметил, что на счете «пять» из уст Чу Цзюбяня ливень, только что ливший как из ведра, чудесным образом начал стихать.

Затем шум дождя становился все тише, а в темных глазах Цинь Сяо вспыхнул неясный огонек.

И когда хриловатый голос Чу Цзюбяня произнес «один», дождь прекратился полностью.

Капли, скопившиеся на карнизах, падали в лужи на земле. В лужах отражались плывущие облака, и из-за туч пробился луч солнца.

Дождь прошел, небо прояснилось.

<http://bllate.org/book/17024/1584018>